

УДК 81'276.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-117-116

ОБ ЭВОЛЮЦИИ СЛОВАРЯ СУБСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЯЗЫКА

Чайковский Р.Р., Харитонова Е.В.

Северо-Восточный государственный университет

685000, г. Магадан, ул. Портовая, 13, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена социолингвистическим аспектам функционирования субстандартных форм русского языка в диахроническом аспекте. Материалом исследования послужили специфические некодифицированные фрагменты русского языка – лагерный социолект, существовавший на территории Советского Союза с начала двадцатых до середины восьмидесятых годов прошлого века, а также социолект заключенных последних пятнадцати лет нового века. Выявлены некоторые черты языка заключенных после ГУЛАГа, а именно преимущественно именной характер речи заключенных, значительное число блатных слов и выражений, стремление носителей данной субстандартной формы языка к определенному раскрашиванию своей речи. Проведен анализ тематических групп лексики заключенных ИТК. Сделан вывод о необходимости рассматривать анализируемые социолекты как разные типы социальных диалектов на основе различий их возникновения, а также функций и признаков этих социолектов, обусловленных социальными факторами гетерогенного характера.

Ключевые слова: эволюция, язык, субстандартная форма, подъязык, социолект, лексика, слово.

ON EVOLUTION OF SUBSTANDARD LANGUAGE FORMS LEXICON

R. Chaykovskiy, E. Kharitonova

Northeastern State University

685000, Magadan, Portovaya street, 13, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to sociolinguistic aspects of the Russian language substandard forms evolution in diachronic aspect. The article deals with specific substandard fragments of the Russian language – Soviet camp speech, which existed on the territory of the former Soviet Union from the beginning of the 1920s till the middle of 1980s, and prison jargon of the past fifteen years of the new century. Certain features of the contemporary prison jargon are revealed, including mainly nominal character of speech, a significant number of thieves' slang words, intentional impressiveness of speech. The analysis of thematic groups of prisoners' jargon is provided. The major results of the conducted research are as follows: sociolects under analysis are to be treated as different types of social dialects, due to the difference in their origin, specificity of their functions and distinctions in their features, resulting from social factors of heterogenic nature.

Key words: evolution, language, substandard form, sublanguage, sociolect, lexicon, word.

Субстандартные формы русского языка весьма многообразны. Одной из них являлся так называемый лагерный язык, существовавший на территории Советского Союза с начала двадцатых до середины восьмидесятых годов прошлого века. В исследованиях по социальной лингвистике проблемам лагерного языка как одного из некодифицированных социолектов уделяется, на наш взгляд, явно недостаточное внимание, несмотря на то, что этот социальный подъязык существовал в России XX века на протяжении многих десятков лет и оставил в современном русском языке заметный след. Как мы отмечали в наших предыдущих работах, лагерный социолект – это язык специфической субкультуры, обусловленной существованием в России разветвленной сети исправительно-трудовых лагерей [18; 19; 20].

К сожалению, в отличие от других, традиционно выделяемых социолектов – таких, как молодежный жаргон, русское воровское аргю, а также разнообразные профессиональные языки, лагерный язык не только не изучен с точки зрения присущих ему свойств, структурных и функциональных характеристик и коммуникативных условий его использования в общении, но и не определено его место в системе социальной дифференциации русского языка прошлого века. Отдельные попытки освещения темы лагерного языка, к сожалению, нельзя назвать удачными в связи с недостаточно профессиональным подходом отдельных авторов к сути этого явления. К работам такого рода можно отнести статью В.П. Тимофеева, в которой в социальной структуре носителей русского языка вычленяются такие общности,

как *рабочие, интеллигенция, крестьяне, антисоциальные неизолированные сообщества и преступные изолированные сообщества*. При этом последнюю группу автор делит сначала на мужское и женское сообщества, а затем подразделяет их на три следующие подгруппы: 1. обычного режима; 2. наркоманы; 3. рецидивисты [17, с. 14–15].

Предпринимаются также попытки представить лагерный субъязык как особый жаргон. Так, Е. Шилиев определяет лагерный язык как «жаргон, который был в употреблении жителей концлагерей» [23, с. 232–247].

И.Б. Голуб пишет о лагерном «жаргоне» как об особой социально ограниченной группе слов: лагерный жаргон, по ее словам, «отразил страшный быт в местах заключения: *зэк* (заключенный), *шпон* или *шмон* (обыск), *баланда* (похлебка), *вышка* (расстрел), *стучач* (доносчик), *стучать* (доносить) и т.д. Такие жаргонизмы находят себе применение при описании лагерной жизни бывшими «узниками совести», получившими возможность открыто вспомнить о репрессиях» [13, с. 93].

Лексикографами лагерный язык в качестве отдельного некодифицированного социолекта русского языка, как правило, также не фиксируется. М. А. Грачев, например, подразделяет социальные диалекты русского языка на три большие группы: аргю, жаргоны и условно-профессиональные языки. «Жаргоны бывают классово-прослоечные, производственные, молодежные, жаргоны группировок людей по интересам и увлечениям» [2, с. 11]. Исследователь включает понятие «тюремно-лагерного жаргона» в более общее понятие «аргю»: «К слову *феня*, фразеологизму *блатная музыка* име-

ется ряд синонимов: воровской язык, блатной язык, язык преступников, блатной жаргон, жаргон преступников, тюремно-лагерный жаргон, аргю» [Там же, с. 9].

Между тем, по мнению Л.П. Крысина, затронувшего в одной из своих работ проблематику тюремно-лагерного жаргона, этот социолект «лишь частично унаследовал средства традиционно воровского аргю, большая же часть его средств своеобразна» [7]. Этой же точки зрения придерживается и известный исследователь советских социальных жаргонов В. Тимрот: «Although феня and the camp or jail jargon are similar in nature, the two varieties are not identical» («Хотя феня и лагерный или тюремный жаргон схожи по своей природе, они все же не идентичны» (перевод наш. – Р.Ч., Е.Х.)) [25, р. 93].

Мы предлагаем разграничивать блатной жаргон и лагерный подъязык как разные типы социальных диалектов на основе различий их возникновения, а также функций и признаков этих социолектов, обусловленных социальными факторами гетерогенного характера. В силу ограниченного размера статьи мы не можем подробно рассмотреть все особенности лагерного субъязыка. Назовем только некоторые признаки, которыми лагерный социолект отличается от блатного жаргона. К их числу относятся: открытость, отсутствие стремления к тайноречию, модификация предназначенности пейоративной оценки, эмоциональность, эмблематичность (подробнее см.: [18, с. 71–75]).

Уже только одно перечисление ряда особенностей лагерного социолекта показывает, насколько многообразной и неоднозначной была природа этого

лингвистического феномена. К счастью, эпоха советских концентрационных лагерей ушла в прошлое и вследствие этого язык узников ГУЛАГа стал фактом истории русского языка. Вместе с тем, несмотря на то, что сегодня социальная база лагерного социолекта кардинально сократилась, некоторые его черты можно наблюдать и в современном социолекте пенитенциарного сообщества.

Заклученные всегда были и есть сегодня в любой стране мира. Есть они и в сегодняшней России. По некоторым данным, их численность в настоящее время колеблется в пределах одного миллиона человек. Такое большое количество осужденных, содержащихся в российских исправительно-трудовых колониях (ИТК), позволяет высказать предположение о том, что и сегодня в местах заключения существует особая разновидность социолекта заключенных. При этом важно учитывать, что среди так называемого спецконтингента колоний определенную часть составляют лица, осужденные из-за преступлений экономического характера, чем объясняется большой процент заключенных со средним, средним специальным и высшим образованием, т.е. преимущественно носителей нормированного русского языка (см., например, такое свидетельство Б. Земцова о книгах Фрейда, Канта, Ницше, Шопенгауэра, Конфуция, Карнеги, Гумилева, Ильина, которые заключенные берут в библиотеке ИТК: «Выходит – не только «всюду жизнь», но и всюду разум, всюду биение мысли, «работа головы», пусть ее обладатели облачены в арестантскую робу» [4, с. 30, 31]). Думается, что это обстоятельство также, так или иначе, сказывается на своеобразии языка сегодняшних заключенных.

Задавшись целью проследить, как изменился язык заключенных после ГУЛАГа, мы опирались на выводы, полученные нами ранее при исследовании лексико-семантических особенностей лагерного социолекта, о котором мы писали выше. Анализ лексики, использованной авторами лагерной прозы, показал, что структура лексики лагерного языка гетерогенна. Помимо специфических общетюремно-лагерных наименований в нем можно выделить несколько лексических микросистем. Основываясь на классификации лагерной лексики, предложенной Ж. Росси в «Справочнике по ГУЛАГу» [14], мы систематизировали анализируемые нами лагерные социолектизмы на следующие группы: общетюремно-лагерное (*активировка, вольняшка, клепать*); уголовное (*жиры, крытка, ширмач*); уголовно-лагерное (*кондей, мотать дело, мостырка*); просторечное (*балан, доходить, малолетка*); лагерно-просторечное (*баланда, доходяга, пересылка*); уголовно-лагерно-просторечное (*блатняк, стукач, туфта*); уголовно-просторечное (*курочить, расколоться, свистеть*); официальные термины (*БУР, запретная зона, зачет*).

Все вышеперечисленные компоненты участвовали в формировании лагерного языка, на котором общались обитатели концлагерей, вне зависимости от того, к какой «страте» лагерного «общества» они принадлежали. Об этом же говорит и В. Тимрот, по мнению которого, уголовники и остальные группы заключенных говорят не на обособленных жаргонах, а на общем лагерном субъязыке [25, р. 91]. Контингент заключенных ИТЛ составляли люди всех слоев общества, в том числе

ученые, писатели, художники, деятели искусства, священнослужители, инженеры, врачи, учителя, военачальники, рабочие, крестьяне и т.д. В лагерном языке проявлялась дифференциация общенационального языка по социальным группам, по социальным слоям населения. И отличие его от любого другого социолекта заключалось в том, что его носителями выступали представители всех социальных слоев общества. Формирование лагерного языка явилось закономерным, поскольку он стал естественным средством общения в неоднородной лагерной среде.

Для того, чтобы выяснить в первом приближении некоторые черты языка заключенных после ГУЛАГа, мы проанализировали лексические аспекты некоторых вышедших в открытой печати книг бывших заключенных российских исправительно-трудовых колоний [4; 3; 6; 8; 10; 11; 15].

Методом сплошной выборки из книг Б. Земцова (2012) и С. Минина (2013 а), (2013 б) нами было отобрано 370 лексических единиц, так или иначе характеризующих быт и речь заключенных. Среди этой лексики было обнаружено значительное количество лексем, использовавшихся заключенными и в XX веке. В качестве контрольного лексикографического справочника нами был использован труд З. М. Зугумова «Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира», изданный в 2014 году и вобравший в себя новейшую лексику этого типа. Если словарная единица была зафиксирована в указанном словаре, она исключалась из нашей выборки. Таким образом, мы оставляли только слова, которые можно считать новыми в пределах границ

исследуемого нами лексикона. После процедуры сверки со словарем З. М. Зугумова в нашей выборке оказалось 149 слов, что составляет 40% от общего числа задокументированных нами слов и выражений данного социально-языкового феномена. По частям речи эти 149 слов распределяются следующим образом: существительные – 71, глаголы – 31, словосочетания и фразеологизмы – 46.

Доминирование существительных свидетельствует, в определенной мере, о преимущественно именном характере речи заключенных, а относительно высокий процент словосочетаний и фразеологизмов говорит, как нам представляется, о стремлении носителей данной субстандартной формы языка к определенному раскрашиванию своей речи. Например: *публиканить* (говорить во всеулышание), *сидеть «на голосовом»* (переговариваться), *«поменять на лес»* (отправить на лесоповал), *прогребать* (проживать), *ответить в кон* (в тон), *накидывать на себя пух* (выделываться), *адидас* (разновидность сала, в котором жир неоднократно чередуется с мясной прослойкой), *бак потек* (о человеке, обнаруживающем в поведении странности), *бигуди* (проблемы (не отданные долги, не исполненные обещания и т.д.)), *грохотули* (леденцы), *засухариться* (о человеке, желающем спрятаться, затаиться, переждать что-то опасное) и т.д.

Меткость лагерного языка проявляется и в тех кличках, которые заключенные дают отдельным представителям администрации ИТК. Б. Земцов пишет о них так: «Точен лагерный язык. Безжалостны арестантские характеристики. Всякая рожденная в зоне кличка всегда выхватывает самые

важные, самые показательные качества личности. Не в бровь, а в глаз, в самую цель... <...> Вот Щетка. Он же прапорщик Черноус. О щетинистом и черном предмете обихода напоминают в нем и черные, торчащие, почти негнувшиеся усы, и особое рвение с которым он на шмонах (ну и впрямь, как щетка) выметает из наших тумбочек, с наших спальных мест, из наших карманов все, внутренним распорядком не предусмотренное» [4, с. 74].

Наш вывод совпадает, в определенной мере, с наблюдениями В.Т. Шаламова, который писал о том, что у блатного языка есть своя особая интонация, меткость, красочность [21, с. 418, 420].

Анализ тематических групп лексики заключенных последних пятнадцати лет нового века позволяет выделить следующие основные категории лексики:

– названия предметов быта (*пальма* – верхний этаж двухъярусной арестантской койки, *адидас* (см. выше), *ангидрид* – суп из капусты, *разводяга* – поварешка, *ваучер* – бутылка с плотно завинчивающейся пробкой, *крикун* – вентиляционная отдушина в камере, *робот* – прикрытие на дверном квадрате в камере, *стакан* – стоячая камера без туалета, маленький железный отсек, рассчитанный на одного человека, в специально оборудованной машине для перевозки арестованных – «черной марусе»);

– названия и характеристики заключенных (*сирота* – арестант, имеющий крайне скудную поддержку со стороны администрации; *столотер* – «козлиная» мало уважаемая должность, заключающаяся в регулярной уборке обедов со столов и протирании этих столов тряпками; *козий отряд* – отряд, в котором дей-

ствует облегченный режим содержания, льготы по посылкам и свиданиям, койки в один ярус и т.д.; *локальщик* – арестант на «козлиной» должности, отпирающий и запирающий решетчатые калитки на локалках; *мурчащий* – приклатненый; *пижамы* – заключенные в психиатрической клинике);

– клички работников ИТК (*Конь-Голова, Ганс, Щетка, Дося, Запарик*) (разумеется, что в каждой ИТК они другие. – *Авторы*);

– абстрактные существительные, характеризующие лагерные категории и реалии (*бигуди* – проблемы (не отданные долги, не исполненные обещания и т.д.); *грев* – курево, чай, что-то сладкое к чаю; *скошуха* – пересмотр приговора, снижение срока наказания, изменение режима и т.д.);

– действия администрации ИТК (*сломать приговор* – изменить приговор; *«гуся» вывести* – отписаться на запрос заключенного; *морозить* – задерживать, например, письма);

– действия заключенных (*закрыть «под крышу»* – спасти проигравшихся от кредиторов; *курсануть* – сообщить; *проплевать срок*; *одеть рога (и копыта)* – стать на путь добровольного сотрудничества с администрацией; *быть «на ушном»* – слушать; *отвинтить* – быстро скрыться; *плющить морду* – дремать);

– локальные определения (*на зоне, на тюрьме, на бараке, на пальме*).

В нашей работе мы не ставили цель рассмотреть проблему семантико-этимологической интерпретации анализируемых лексических единиц. Вместе с тем, нельзя не отметить весьма существенный процент блатных слов в анализируемом нами лексиконе. Языковое влияние уголовно-

го элемента на лагерный язык также было весьма существенно, несмотря на то, что, по статистическим данным, количество заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях за совершение уголовных преступлений, значительно уступало количеству политических. Авторы одного из словарей жаргона предлагают использовать термин «тюремно-лагерно-блатной» жаргон, поскольку «взаимопроникновение специфической лексики лагеря и тюрьмы с блатной лексикой настолько велико, что, по всей вероятности, отделить одно от другого уже и невозможно... Лагерь сопутствует и жизни обывателя, и жизни блатного. Для последнего, он вообще – дом родной. А общение между теми и другими, и даже между теми, другими и вертухаями происходит на одном, всем им хорошо понятном языке, который мы условно назвали «тюремно-лагерно-блатным» [1, с. 7].

Лагерный язык действительно оказывался проницаемым для блатной лексики, однако при этом он, как показывает наш материал, не терял своей самостоятельности. Что касается языка заключенных после ГУЛАГа, то в этом случае, как нам представляется, речь уже идет не о подъязыке, а о жаргоне.

Не вызывает сомнений тот факт, что социолекты могут существенно различаться в зависимости от того места, которое они занимают в системе национального языка. Лагерный социолект, выступавший в качестве единственно возможной или единственно приемлемой языковой формы, благодаря чему он и стал для своих носителей не второстепенной формой общения (к каковым традиционно относят социаль-

ные диалекты), а первостепенной или основной языковой формой. Иными словами, лагерный социолект «возвысился» до положения отдельного своеобразного социального подъязыка (см. о подъязках: [9, с. 14]), который являлся частью советского языка, так же, как лагерная субкультура была частью советской культуры. Его вычленение как своеобразного «субъязыка субсоциума» лагерей вполне обоснованно, тем более, что он характеризовался большим количеством носителей. Русский философ Д. Панин приводит следующие данные о количестве заключенных в советских лагерях: 1939–1941 гг. – около 20 млн.; с 1942 – около 14 млн. По его данным, только в 1941–1942 гг. в лагерях погибло 7,5 млн. человек [12, с. 368]. В капитальном труде по истории ГУЛАГа мы находим такие сведения о численности заключенных: 1930 г. – 179000; 1941 г. – 1929729; 1944 г. – 1179819; 1948 г. – 2199535 [24, р. 579]. Вполне обоснованно, поэтому, С. Снегов назвал лагерный говор неким «неорусским» языком [16, с. 194].

Язык заключенных после ГУЛАГа едва ли можно отнести к социолектам, приближающимся по своему статусу к статусу языка. Основная функция данного социолекта – выступать формой социально-маркированного взаимодействия, а в некоторых случаях – реализовывать криптоллическую функцию.

В. Шаламов утверждал, что слова в воровском лексиконе вечно меняются [21, с. 17]. Он рассматривал эту смену словаря-шифра не как процесс совершенствования, а как средство самосохранения и объяснял это тем, что уголовный розыск их изучает [22, с. 29]. Поэтому блатной мир свой словарь постоянно обновлял (ср. выражения «на стреме» (20-е годы), «на вассере» (30-е годы), «на шухере» (более позднее)). Об этом же свидетельствуют и стремление к переименованию лексических единиц (*горбачить*), а также отдельные грамматические отклонения, столь характерные для блатного жаргона (*на зоне, на отряде, на бараке* и т. д.).

Таким образом, социальный генезис языкового явления сложным образом переплетается с его общественной функцией, а также во многом зависит от экстралингвистических факторов, изменение которых неизбежно влечет за собой и изменение статуса той или иной языковой формы.

Социолекты как субстандартные формы языка существуют на протяжении веков. Однако их лексическое наполнение непрерывно меняется. В конце XX века на смену лагерному языку пришел жаргон заключенных исправительно-трудовых колоний, который не обладает статусом подъязыка, но, тем не менее, он также представляет интерес с социолингвистической точки зрения и заслуживает дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. 256 с.
2. Грачев М.А. Язык из мрака: Блатная музыка и феня. Словарь арготизмов. Нижний Новгород: Флокс, 1992. 207 с.
3. Земцов Б. Жизнь строгого режима. Интеллигент на зоне. М.: Вече, 2013. 352 с.
4. Земцов Б. Зона путинской эпохи. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
5. Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М.: Книжный мир, 2014. 728 с.

6. Крестовый Ф. Как выжить в зоне. Советы бывалого арестанта. М.-СПб.: АСТ; Астрель-СПб., 2009. 254 с.
7. Крысин Л.П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике // [Электронный ресурс]. URL: www.philology.ru/linguistics2/krysin-92.htm (дата обращения: 03.05.2015).
8. Лишенков А. Столыпинский вагон. СПб.: Изд-во «Крылов», 2003. 224 с.
9. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.
10. Минин С. Бильярды и гробы. М.: Литературная Россия, 2013. 304 с.
11. Минин С. Симулянты. М.: Литературная Россия, 2013. 448 с.
12. Панин Д. Лубянка–Экибастуз: Лагерные записки. М.: Скифы, 1991. 379 с.
13. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс, 2010. 448 с.
14. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1 и Ч. 2. М.: Просвет, 1991. Ч. 1. 269 с. Ч. 2. 284 с.
15. Сечкин Г. За колючей проволокой. М.: Политбюро, 2000. 335 с.
11. Снегов С. А. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1992. 224 с.
12. Тимофеев В.П. Социолингвистические факторы в развитии современного русского языка // Очерки по социолингвистике. Шадринск: ШГПИ, 1971. С. 9–28.
13. Харитоновна Е.В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты (на материале американского и британского переводов «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына): дис. ... канд. филол. н. Магадан, 2007. 257 с.
14. Чайковский Р. Р. Об одном случае автоперевода лагерной прозы // Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем. яз. Сев. междунар. ун-та (г. Магадан). 2005. № 5: Лагерная литература. С. 36–47.
15. Чайковский Р.Р. Реквием по лагерной пыли // Э.М. Ремарк и лагерная литература. Магадан: Кордис, 2003. С. 5–8.
16. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / Сиротинская И. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2004. 672 с.
17. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2. Анна Ивановна: Пьеса . М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2004. 512 с.
18. Шилияев Е. Лагерный язык по произведениям Солженицына // Новый журнал. 1969. Кн. 95. С. 232–247.
19. Applebaum A. GULAG. A History. N.Y.: Doubleday, 2003. 679 с.
20. Timroth W. von. Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo Varieties of the Russian Language (Argot, Jargon, Slang and Obscene Language). München: Verlag Otto Sagner, 1986. 166 с.

REFERENCES:

1. Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tyur'my) [A dictionary of prison-camp-criminal slang (speech and graphic portraits of Soviet prisons)]. М., Kraya Moskvyy, 1992. 256 p.
2. Grachev M.A. Yazykizmraka: Blatnaya muzyka i fenyа. Slovar' argotizmov [The language out of darkness: the thieves]. Nizhny Novgorod, Floks, 1992. 207 p.
3. Zemtsov B. ZHizn' strogogo rezhima. Intelligent na zone [The life of maximum security. The intellectual in prison]. М., Veche, 2013. 352 p.
4. Zemtsov B. Zona putinskoi epokhi [The prison of Putin era]. М., Algoritm, 2012. 256 p.
5. Zugumov Z.M. Russkoyazychnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii, tolkovyi slovar'

- prestupnogo mira [Russian slang. Historical-etymological, explanatory dictionary of the criminal world]. M., Knizhnyi mir, 2014. 728 p.
6. Krestovyi F. Kak vyzhit' v zone. Sovety byvalogo arestanta [How to survive in prison. An experienced prisoner]. M.-SPb., AST; Astrel'-SpB., 2009. 254 p.
 7. Krysin L.P. O perspektivakh sotsiolingvisticheskikh issledovaniy v rusistike [Elektronnyi resurs] [About the prospects for sociolinguistic research in Russian studies] [Electronic resource] // www.philology.ru [Electronic resource]. URL: www.philology.ru/linguistics2/krysin-92.htm (request date 03.05.2015).
 8. Lishenkov A. Stolypinskiy vagon. [The Stolypin car]. SPb, Izd-vo «Krylov», 2003. 224 p.
 9. Maslov YU.S. Vvedenie v yazykoznanie. [Introduction to linguistics]. M., Vysshaya shkola, 1975. 328 p.
 10. Minin S. Bil'yardy i groby. [Billiards and coffins]. M., Literaturnaya Rossiya, 2013. 304 p.
 11. Minin S. Simulyanty [Malingers]. M., Literaturnaya Rossiya, 2013. 448 p.
 12. Panin D. Lubyanka–Ekibastuz: Lagernye zapiski. [Lubyanka–Ekibastuz: Camp notes]. M., Skify, 1991. 379 p.
 13. Rozental' D.E., Golub I.B., Telenkova M.A. Sovremennyy russkii yazyk. [Modern Russian language.]. M., Airis-press, 2010. 448 p.
 14. Rossi ZH. Spravochnik po GULAGu. CH. 1 i CH. 2 [The reference to the Gulag.Part 1 and Part 2]. M., Prosvet, 1991.
 15. Sechkin G. Za kolyuchey provolokoi [Behind barbed wire]. M., Politbyuro, 2000. 335 p.
 16. Snegov S.A. YAzyk, kotoryi nenavidit. [The language that hates]. M., Prosvet, 1992. 224 p.
 17. Timofeev V.P. Sotsiolingvisticheskie faktory v razvitii sovremennogo russkogo yazyka [Sociolinguistic factors in the development of the modern Russian language] // Ocherki po sotsiolingvistike [Essays on sociolinguistics]. Shadrinsk, SHGPI, 1971. pp. 9–28.
 18. Kharitonova E.V. Perevod russkoi lagernoi leksiki na angliiskii yazyk: semantiko-stilisticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty (na materiale amerikanskogo i britanskogo perevodov «Arhipelaga GULAG» A.I. Solzhenitsyna): dis. ... kand. filol. n. [Translation of the Russian camp vocabulary in the English language: the semantic-stylistic and linguistic cultural aspects (based on the American and British translations of "the GULAG Archipelago" by Alexander Solzhenitsyn): PhD thesis in Philology]. Magadan, 2007. 257 p.
 19. Chaikovskii R. R. Ob odnom sluchae avtoperevoda lagernoi prozy [About one case of the camp prose autotranslation] // Perevod i perevodchiki: Nauch. al'manakh kaf. nem. yaz. Sev. mezhdunar. un-ta (g. Magadan). 2005. no. 5. pp. 36–47.
 20. Chaikovskii R.R. Rekviem po lagernoi pyli [Requiem for the camp dust] // E.M. Remark i lagernaya literatura [E.M. Remarque and camp literature]. Magadan, Kordis, 2003. pp. 5–8.
 21. Shalamov V.T. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 1: Rasskazy 30-kh godov; Kolymskie rasskazy; Levyy bereg; Artist lopaty [Collected works: in 6 vol. Vol. 1: Stories of the 30-s; the Kolyma tales; the Left Bank; the Artist of the spade]. M., TERRA–Knizhnyi klub, 2004. 672 p.
 22. Shalamov V.T. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2: Ocherki prestupnogo mira; Voskreshenie listvennitsy; Perchatka, ili KR-2. Anna Ivanovna: P'esa [Collected works: in 6 vol. Vol. 2: Sketches of the criminal world; The resurrection of the larch; Glove, or CU-2. Anna: a Play]. M., TERRA–Knizhnyi klub, 2004. 512 p.
 23. Shilyaev E. Lagernyy yazyk po proizvedeniyam Solzhenitsyna [Camp language by the works of Solzhenitsyn] // Novyy zhurnal. 1969. no. 95. pp. 232–247.
 24. Applebaum A. GULAG. A History. N.Y., Doubleday, 2003. 679 p.
 25. Timroth W. von Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo Varieties of the Russian Language (Argot, Jargon, Slang and Obscene Language). München, Verlag Otto Sagner, 1986. 166 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чайковский Роман Романович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого языка Северо-Восточного государственного университета;
e-mail: tchaikovski@svgu.ru

Харитоновна Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Северо-Восточного государственного университета;
e-mail: eharitonova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chaykovskiy Roman R. – PhD of Philology, professor, professor at the chair of German Language of Northeastern State University;
e-mail: tchaikovski@svgu.ru

Kharitonova Elena V. – PhD of Philology, associate professor, associate professor at the chair of English language of Northeastern State University;
e-mail: eharitonova@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Чайковский Р.Р., Харитоновна Е.В. Об эволюции словаря субстандартных форм языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 117–126.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-117-126

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

R. Chaykovskiy, E. Kharitonova. On evolution of substandard language forms lexicon // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2016. no 2. pp. С. 117–126.

DOI: 10.18384/2310-712X-2016-2-117-126